

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

ЗНАКОМЬТЕСЬ: МИСТЕР МУЛЛИНЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Эксклюзивная классика»

Pelham Grenville Wodehouse
MEET MR. MULLINER

Перевод с английского *И. Гуровой*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Фerez*

Печатается с разрешения The Trustees of the P.G. Wodehouse Estate
и литературных агентств Rogers, Coleridge & White Ltd
и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Знакомьтесь: мистер Муллинер : [сборник] / Пелам Гренвилл Вудхаус ; [пер. с англ. И. Гуровой]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-112102-0

Сборник «Знакомьтесь: мистер Муллинер» открывает цикл рассказов о многочисленном семействе Муллинеров. Сам мистер Муллинер, уютно расположившийся в зале «Отдыха удильщиков», развлекает собравшуюся публику забавными историями, в которых представители незаурядного семейства, благодаря смекалке, чувству юмора, отважности, неистощимому оптимизму одерживают, сокрушительные победы на любовном фронте.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1927
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Вся правда о Джордже

Когда я вошел в уютный зал «Отдыха удильщика», там сидели два посетителя и один, судя по его возбужденному, но приглушенному голосу и бурной жестикуляции, рассказывал второму что-то крайне увлекательное. До меня доносились лишь отрывочные «ничего подобного мне еще видеть не приходилось» и «во-о-от такая!», но догадаться об остальном в заведении под подобной вывеской было очень легко. И когда второй, перехватив мой взгляд, подмигнул мне со страдальческой усмешкой, я сочувственно улыбнулся ему.

Вот так нас связали узы взаимной симпатии, и, когда рассказчик, завершив свою повесть, удалился, его слушатель направился к моему столику, словно уступая настойчивому приглашению.

— Какими отпетыми лгунами бывают люди! — сказал он благодушно.

— Рыболовы, — мягко указал я, — заведомо небрежны в обращении с истиной.

— Он не рыболов, — возразил мой собеседник, — а здешний врач. И рассказывал мне про

пациента, который недавно обратился к нему по поводу водянки. К тому же, — и он убедительно похлопал меня по колену, — не следует особенно доверять легенде о рыболовах, пусть и весьма распространенной. Я сам рыболов и не солгал ни разу в жизни.

Поверить ему труда не составляло: такой он был уютный толстячок средних лет. А его глаза сразу же подкупили меня удивительно детской искренностью. Глаза эти были большие, круглые и честные. Я, не дрогнув, купил бы у него любую самую многообещающую акцию.

Дверь, выходящая на большую пыльную дорогу, открылась, и в нее по-кроличьи юркнул человечек, словно бы чем-то встревоженный, и выпил джина с лимонадом еще прежде, чем мы успели сообразить, что видим его. Утолив жажду, он посмотрел на нас, как будто ему было очень не по себе.

— Д-д-д-д... — сказал он.

Мы выжидающе смотрели на него.

— Д-д-д-добрый д-д-д-д...

Его нервы, видимо, не выдержали, и он исчез столь же внезапно, как и появился.

— Мне кажется, он клонил к тому, чтобы пожелать нам доброго дня, — высказал догадку мой собеседник.

— Вероятно, — заметил я, — человеку с подобным дефектом речи очень тяжело завязывать разговор с незнакомцами.

— Скорее всего он пытается излечить себя. Как мой племянник Джордж. Я вам когда-нибудь рассказывал про моего племянника Джорджа?

Я напомнил ему, что мы только-только познакомились и я впервые услышал, что у него имеется племянник по имени Джордж.

— Юный Джордж Муллинер. Моя фамилия Муллинер. Я расскажу вам, как обстояло дело с Джорджем. Во многих отношениях весьма поучительный случай.

Мой племянник Джордж (начал мистер Муллинер) был на редкость приятным юношей, но с самого нежного возраста он страдал жутким заиканием. Будь он вынужден зарабатывать на хлеб, этот дефект явился бы величайшим камнем преткновения на его жизненном пути, но, к счастью, отец оставил ему вполне приличный доход, и Джордж вел не слишком тягостную жизнь в селе, где родился, проводя дни в обычных деревенских развлечениях, а по вечерам решая кроссворды. К тридцати годам он знал об Осии, пророке, о Ра, боге солнца, и о птице эму больше, чем кто-либо еще в графстве, исключая Сьюзен Блейк, дочь приходского священника, которая тоже увлекалась решением кроссвордов и была первой девушкой в Вустершире, установившей, что такое «стеарин» и «корпускулярность».

Именно общение с мисс Сьюзен впервые натолкнуло Джорджа на мысль, что ему необходимо

излечиться от заикания. Естественно, разделяя увлечение кроссвордами, они часто виделись, так как Джордж то и дело заглядывал в домик при церкви, чтобы спросить Сьюзен, какое слово из шести букв «имеет отношение к профессии водопроводчика», а Сьюзен с таким же постоянством навещала уютный коттедж Джорджа, если ее, как и всякую девушку, ставило в тупик очередное слово из восьми букв, «связанное в основном с производством тарельчатых клапанов». А потому в один прекрасный вечер сразу после того, как она помогла ему разобраться со словом «псевдопериптер», молодого человека внезапно озарило и он понял, что в ней для него заключен весь мир, или, как он в силу привычки выразился про себя, она для него — любимая, дражайшая, душенька, возлюбленная, высоко чтимая или ценимая.

И все же всякий раз, когда он пытался сказать ей это, ему не удавалось продвинуться дальше пришептывающего бульканья, от которого толку было не больше, чем от заикания.

Очевидно, требовалось незамедлительно принять самые решительные меры. И Джордж отправился в Лондон показаться специалисту.

— Да? — сказал специалист.

— Я-а-а-а-а, — сказал Джордж.

— Что вы сказали?

— Л-л-л-у-у-у...

— Спойте, — сказал специалист.

— С-с-с-с-с-с? — с недоумением переспросил Джордж.

Специалист объяснил. Это был добрый человек с усами, траченными молью, и глазами, как у мечтательной трески.

— Очень многие из тех, — сказал он, — кому не дается ясная артикуляция в разговорной речи, убеждаются на опыте, что по четкости и звучности могут соперничать с колокольным звоном, стоит им разразиться песней.

Джорджу этот совет показался дельным. Он задумался, потом откинул голову, зажмурил глаза и дал волю своему мелодичному баритону.

— Я в деву юную влюблен, — пел Джордж. — Она лилея чистоты.

— Ну разумеется, — вставил специалист, слегка поморщившись.

— О, Сюзен, Вустера цветок, виденье нежной красоты.

— А! — сказал специалист. — Видимо, очень славная девушка. Это она? — спросил он, водружая на нос очки и прищуриваясь на фотографию, которую Джордж извлек из недр левой половины своего жилета.

Джордж кивнул и набрал полную грудь воздуха.

— Да, сэр, — зажигательно начал он, — это девочка моя. Нет, сэр, тут не ошибаюсь я. И когда к священнику схожу, прямо я ему скажу: «Да, сэр, это...»

— Весьма, — поспешно перебил специалист, обладатель тонкого музыкального слуха. — Весьма, весьма.

— Знай вы Сьюзи, мою Сьюзи, — завел Джордж новый шлягер, но слушатель вновь прервал его:

— Весьма. Вот именно. Не сомневаюсь. А теперь, — сказал специалист, — что, собственно, вас беспокоит? Нет-нет, — поспешно добавил он, когда Джордж накачал воздуха в легкие, — не пойте. Перечислите все подробно вот на этом листе бумаги.

Джордж перечислил.

— Гм! — изрек специалист, ознакомившись с подробным перечнем. — Вы желаете приударить, поухаживать, приволокнуться за этой девушкой с целью брака, женитьбы, супружеского союза, но обнаруживаете, что неспособны, несмелы, некомпетентны, неумелы и бессильны. При каждой попытке ваши голосовые связки терпят неудачу, недотягивают, оказываются ущербными, негодными и подкладывают вам свинью.

Джордж кивнул.

— Случай не такой уж редкий. Мне не раз приходилось иметь дело с подобным. Воздействие любви на голосовые связки субъекта, пусть даже красноречивого в нормальных условиях, очень часто оказывается губительным. Если же мы имеем дело с заикой, то, как установлено опытным путем, в девяноста семи целых пятистах шестидесяти девяти тысячных процента случаев божественная страсть ввергает субъекта в состояние, когда он издает звуки наподобие сифона с содовой, который пытается декламировать «Гунгу Дина» Киплинга. Есть только один способ излечения.

— К-к-к-к-к? — осведомился Джордж.

— Сейчас объясню. Заикание, — продолжал специалист, складывая ладони домиком и благожелательно глядя на Джорджа, — чаще всего есть явление чисто психическое и порождается застенчивостью, которая порождается комплексом неполноценности, который, в свою очередь, порождается подавляемыми желаниями, или интровертным торможением, или там еще чем-нибудь. И всем молодым людям, которые приходят сюда и изображают сифоны с содовой, я рекомендую ежедневно, минимум трижды, беседовать с тремя абсолютно незнакомыми людьми. Завязывайте разговор с избранными незнакомцами, каким бы последним идиотом вы себя при этом ни чувствовали, и не пройдет и двух месяцев, как вы обнаружите, что скромная ежедневная доза подействовала. Застенчивость мало-помалу исчезнет, а с ней исчезнет и заикание.

Затем, попросив молодого человека — безупречно твердым голосом, свободным от каких-либо дефектов речи, — вручить ему гонорар в пять гиней, специалист отпустил Джорджа в широкий мир.

Чем больше Джордж размышлял над полученной рекомендацией, тем меньше она ему нравилась. В такси, которое везло его на вокзал, откуда ему предстояло отправиться назад в Ист-Уобсли, он ежесекундно содрогался. Как все застенчивые молодые люди, он никогда прежде не считал себя застенчивым, предпочитая объяснять неловкость

в обществе себе подобных редкими и возвышенными достоинствами своей души. Но теперь, когда ему это было объявлено без малейших экивоков, он был вынужден признать себя сущим кроликом во всех сколько-нибудь значимых отношениях. При мысли о том, что ему придется вступать в непрошенные беседы с совершенно незнакомыми людьми, его начинало тошнить.

Но ни один Муллинер еще никогда не уклонялся от исполнения неприятного долга. Поднявшись на перрон и широким шагом направляясь к своему поезду, он стиснул зубы, в глазах его вспыхнул почти фанатичный огонь решимости, и он проникся намерением еще до конца поездки провести три задушевных беседы — пусть даже ему придется пропеть каждое слово!

Купе, в котором он расположился, было в тот момент пустым, но как раз перед тем, как поезд тронулся, в него вошел весьма крупный мужчина свирепого вида. Джордж в качестве своего первого подопытного предпочел бы кого-нибудь не столь внушительного, но он взял себя в руки и слегка наклонился вперед. И в ту же секунду незнакомец заговорил.

— По-по-по-по-погода, — сказал он, — ка-ка-как бу-бу-будто об-об-обещает ста-ста-стать по-по-получше, ве-верно?

Джордж откинулся на спинку, словно получив удар между глаз. К этому моменту поезд уже покинул сумрак вокзала и солнце лило яркие лучи на говорившего, высвечивая его могучие плечи,

тяжелую челюсть и, главное, сокрушающе холерическое выражение глаз. Ответить такому человеку «д-д-д-д-да» было бы чистейшим безумием.

Однако молчание тоже явно ничего хорошего не сулило. Безмолвие Джорджа словно бы пробудило в незнакомце наихудшие страсти. Лицо его побагровело, глаза зловеще засверкали.

— Я за-за-задал ве-ве-вежливый во-во-во... — сказал он раздраженно. — Или вы г-г-г-глухой?

Мы, Муллинеры, славимся своей находчивостью. И Джорджу потребовалось не более секунды, чтобы разинуть рот, показать на свои миндалины и испустить придушенное бульканье.

Напряжение смягчилось, злость незнакомца поугасла.

— Н-н-н-немой? — сказал он сочувственно. — П-п-п-прошу п-п-п-п-п... Н-н-н-надеюсь, я вас н-н-н-не об-б-б-об... Д-д-д-должно б-б-б-быть, о-ч-ч-чень т-т-т-тяжело об-б-б-бла... д-д-д-деф-ф-ф... ре-ч-ч-чи.

После чего он уткнулся в газету. А Джордж съезжился в своем уголке, дрожа всем телом.

Чтобы добраться до Ист-Уобсли, как вы, без сомнения, знаете, необходимо сделать пересадку в Ипплтоне. К тому времени, когда лондонский поезд остановился в Ипплтоне, Джордж уже более или менее обрел душевное равновесие. Он положил чемодан на полку в купе поезда на Ист-Уобсли, застывшего в ожидании отправления по другую сторону платформы, и, удостоверившись, что

до отправления остается десять минут, решил скоротать время и подышать свежим воздухом, прогуливаясь взад и вперед.

День выдался чудесный. Солнце щедро золотило платформу своими лучами, а с запада дул приятный ветерок. Чуть в стороне от железнодорожного полотна звонко журчал ручей, в живых изгородях пели птицы, и за деревьями можно было различить величественный фасад приюта для умиленных графства. Умиротворенный окружающей благодатью, Джордж пришел в превосходнейшее расположение духа и пожалел, что на платформе этой захолустной станции нет никого, с кем бы он мог завязать беседу.

И вот тут-то на платформу поднялся незнакомец достойнейшего облика. Сложен он был атлетически и очень скромно одет в пижаму, коричневые сапоги и макинтош. В одной руке он держал цилиндр, в который опускал другую руку, вынимал ее и непонятным жестом помахивал пальцами вправо и влево. Он кивнул Джорджу столь благожелательно, что тот, хотя и был несколько удивлен простотой костюма любезного незнакомца, решился заговорить с ним. В конце-то концов, подумал он, не одежда делает человека, а судя по этой улыбке, под курткой в оранжево-лиловую полоску билось отзывчивое сердце.

— П-п-п-погода от-т-тличная, — сказал Джордж.

— Рад, что она вам нравится, — отозвался незнакомец. — Я ее специально заказал.

Джорджа это утверждение несколько удивило, но он не отступил.

— М-м-м-могу я спросить, ч-ч-ч-то вы д-д-д-делаете?

— Делаю?

— С-с-с-с этой шля-п-п-пой?

— А, с этой шляпой! Понимаю, понимаю. Всего лишь разбрасываю золотые монеты в толпу, — ответил незнакомец, вновь запуская пальцы в цилиндр и вскидывая руку в щедром жесте. — Дьявольски скучное занятие, но положение обязывает. Дело в том, — добавил он, беря Джорджа под руку и доверительно понижая голос, — что я император Абиссинии, а вон там мой дворец. — Он ткнул пальцем в сторону деревьев. — Но — никому ни слова. Это не подлежит разглашению.

С улыбкой, довольно-таки кривой, Джордж попытался высвободить руку, но его собеседник решительно воспротивился такой холодности. Видимо, он был полностью согласен с изречением Шекспира, утверждающим, что, обретя друга, его необходимо приковать к себе стальными обручами. Удерживая Джорджа железной хваткой, он увлек его за угол станционного здания и с удовлетворением огляделся.

— Наконец-то мы одни! — сказал он.

Но Джордж уже сам с мучительным содроганием постиг этот факт. В цивилизованном мире трудно отыскать более безлюдное место, чем платформа маленькой станции. Солнце озаряло глад-

кий асфальт, блестящие рельсы и автомат, который в обмен на пенни, опущенное в щель с надписью «Спички», незамедлительно выдавал ириску, — но больше оно ничего не озаряло.

В этот миг Джорджу нестерпимо хотелось узреть отряд полицейских, вооруженных увесистыми дубинками, но нигде не было видно даже дворняжки.

— Я давно хотел побеседовать с вами, — любезно сказал незнакомец.

— Н-н-н-неужели?

— Да. Я хочу узнать вашу точку зрения на человеческие жертвоприношения.

Джордж сказал, что не одобряет их.

— Но почему? — изумился незнакомец.

Джордж сказал, что затрудняется объяснить. Не одобряет, и все.

— Полагаю, что вы заблуждаетесь, — сказал император. — Мне известно, что появилась философская школа, проповедующая сходные взгляды. Но я ее не признаю. Терпеть не могу все эти передовые теории. Императоры Абиссинии всегда уважали человеческие жертвоприношения, а потому и я их уважаю. Будьте любезны, войдите сюда.

Он указал на хранилище фонарей, швабр и прочих полезных предметов, с которым они как раз поравнялись. Это было темное зловещее помещение, пропахшее керосином и носильщиками, и Джорджу, бесспорно, меньше всего хотелось затвориться там с собеседником, исповедующим такие странные убеждения. Он попятился.

— Только после вас.

— Никаких штук! — подозрительно предупредил его собеседник.

— Ш-ш-ш-штучек?

— Да. Не заталкивать внутрь, дверь не запирает, не поливать в окно водой из кишки.

— К-к-к-конечно н-н-н-нет.

— То-то! — изрек император. — Вы джентльмен, я джентльмен. Мы оба джентльмены. Кстати, у вас есть с собой нож? Нам понадобится нож.

— Нет. Ножа нет.

— Ну что же, — сказал император. — Придется нам поискать что-нибудь другое. Без сомнения, мы сумеем найти выход.

С величавым добродушием, которое так ему шло, он рассыпал еще одну горсть золотых монет и вошел в кладовку.

Запереть дверь Джорджу помешало не слово, которое он дал как джентльмен джентльмену. Вероятно, в мире нет семьи, все члены которой столь скрупулезно исполняли бы каждое свое обещание, как Муллинеры, однако я вынужден сказать, что Джордж, оказись у него под рукой ключ от этой двери, тут же запер бы ее без малейших колебаний. Но ключа под рукой у него не оказалось, и ему пришлось просто ее захлопнуть. Затем он отскочил от нее и помчался прочь по платформе. Донесшийся сзади грохот как будто указывал, что у императора вышли нелады с керосиновыми фонарями.

Джордж использовал свою фору наилучшим образом. С невероятной быстротой покрыв рас-